

А.Н.КИРСАНОВ

ОБРЯДОВЕРИЕ И ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

Существенным противоречием, с которым мы сталкиваемся при изучении истории XVII в. и церковного раскола, не разрешенным по существу и по сей день, является явное несоответствие между заявленной незначительностью изменений, вносимых церковной реформой, и колоссальным по массовости, ожесточенности, продолжительности сопротивлением, ей оказанным.

Первое объяснение этому явлению было выдвинуто одновременно с реформами. Несогласие объяснялось отсталостью, невежественностью, едва ли не дикостью народа, так сказать, не понимавшего “своего счастья”, который поэтому следовало всячески вразумлять и просвещать, а особо упрямых, как отстающих школьников, загонять в это “счастье” палками. Объяснение это не может быть принято хотя бы потому, что не предполагает наличия в этом споре второй стороны. Это рассуждение победителя. Но старообрядцы не были до конца побеждены; и вторая сторона все-таки была.

По мнению этой стороны, “Никон и его помощники дерзко посягнули на изменение церковных установлений, обычаев и даже апостольских преданий Русской Православной Церкви. Эти изменения не могли не вызвать резкий отпор со стороны русских людей, свято хранивших древние святыне книги и предания”. Резкое сопротивление вызвали также меры, с помощью которых насаждались эти нововведения (1). При всем своем пафосе, мнение старообрядцев также уязвимо. Как известно (даже со слов прот. Аввакума), русские люди свято хранили вовсе не церковные книги, которые оказались в их руках только после раскола, а свои исконные языческие обычаи и традиции. На изменение церковных узаконений и преданий должны были бы в первую очередь реагировать деятели самой же церкви, но как раз они-то в подавляющем большинстве оказались не против реформ.

Ближе к истине, как покажем ниже, была советская историография, рассматривавшая все восстания как проявления классово-вой борьбы и видевшая в движении старообрядцев социальный протест против ухудшения жизни (главным образом, закрепощения, случайно совпавшего с церковной реформой), принявший свойственную средневековой вообще религиозную форму. Однако это не объясняет существования этой формы до сего дня, в течение уже почти трёх с половиной веков, на протяжении которых экономические, социальные, политические условия менялись многократно.

Новейшая историография указанного выше противоречия просто не замечает, как не замечает вообще народности движения старообрядчества.

Эти главные из существующих объяснений нельзя признать удовлетворительными.

По более частному мнению конца XIX в., “раскол есть исключительное русское явление”, проистекающее из “приверженности русского народа к обрядовой стороне религии, доходящее до того, что изменение обрядов стало считаться изменением веры” (2).

Остановимся на этой формулировке, как наиболее удобной для нас тем, что утверждения, заключенные в ней, довольно типичны. Повторим их еще раз в виде отдельных положений:

- 1) Обрядоверие — черта исключительно русская;
- 2) Изменение обрядов считалось изменением веры;
- 3) Обвинение в приверженности к обрядам именно народа — в целом, не только старообрядцев, — то есть обвинение русского народа в неподчинении реформам, стало быть, антинародным.

Предлагаем теперь рассмотреть каждое из этих положений особо.

1. Наиболее частое, после невежества, обвинение, выдвигаемое против старообрядцев, — это обрядоверие. Однако новообрядцы, боровшиеся за свои обряды, что называется, “огнем и мечом”, показали пример обрядоверия едва ли не больший, чем их противники. Что же, это — действительно русская черта? Современная историческая наука может сказать, что дело тут в другом.

В 987 г., сообщает нам Повесть временных лет, советовался кн. Владимир со своими боярами: предлагали ему болгары, немцы, евреи и греки принять каждый их закон. Бояре отвечали: “Если хочешь в самом деле разузнать, разузнай, какая у них служба

и кто как служит Богу". Посланные на испытание веры мужи рассказывали вскоре Владимиру и боярам: "Ходили де к болгарам, смотрели, как они молятся в храме и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. Пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той".

Этот, казалось бы, хрестоматийный сюжет в большинстве случаев как-то упускается из виду. Кроме него существует еще один, менее известный.

С.А.Парамонов (С.Лесной) приводит в пересказе легенду о крещении Руси, сохраненную в западноевропейских источниках. Согласно легенде, послы некоего русского князя ознакомились с богослужением сначала в Риме, затем в Царьграде. Богослужение греков произвело на послов колоссальное впечатление: они "не знали, на небе ли они или на земле". Последовало крещение в православие. Далее легенда рассказывает о посылке византийским императором Кирилла и Мефодия, об изобретении азбуки и т.д. Одним словом, описывается история крещения моравов, хотя и сказано, что русов. Парамонов приводит и другие доказательства чешского происхождения легенды о выборе веры (3).

В данном случае нам не принципиально действительное место и время возникновения легенды. Важен сам факт признания ее и в Киеве, и на Западе, из которого следуют довольно недвусмысленные выводы.

Мы имеем дело с осознанным, возведенным в принцип "обрядоверием" двух разных, западного (моравы) и восточного (поляне-киевляне), славянских народов на заре (или даже накануне) их крещения, в IX—XII вв.

Для выбора веры, "закона" (что на современном языке мы бы называли, скорее, "догматами") изучаются исключительно служба и обряды. Предпочтение отдается наибольшей красоте и пышности этих последних. Причем мотивируется такое предпочтение отражением в земном благолепии красоты, величия, совершен-

ства небесного, божественного (“не знали, на небе или на земле мы”, “пребывает там Бог с людьми”). Таким образом, “райская” красота обрядов является свидетельством истинной божественности службы, а стало быть, и доказательством истинности самой веры, религии. То есть люди этой веры служат именно Богу, а не кому другому; приверженцев же всех иных обрядов следует считать еретиками. При этом, как видим, нет ни малейших намеков на догматы, их изучение и сравнение.

Великорусы-вятичи и тысячу лет назад были отдельным самостоятельным народом. Народом, который в X в. не участвовал в выборе веры; не крестился, а был крещен — и на 200 лет позже. Народом, который спустя еще 400 лет считал себя уже главным хранителем и законодателем православия. И что особенно примечательно для нашей темы, — народом, излагавшим основы правой веры и доказательства истинности своей церкви теми же словами, что древние летописные легенды:

“У нас же в православном христианстве есть святая и непорочная соборная и апостольская Церковь, которая вся по преданию святых отец украшена и совершена и всех благих исполнена”. Войдя в церковь, сознавая, что “тыходишь на земное Небо, где тебе молиться, и думай, как будто стоишь на Небе. Не думай ни о чем земном”, “потому что Бог здесь, в ней, пребывает”.

А чужие веры (латинская, германская, польская) “не суть истинны и правы”, потому что церкви их “ниже совершены. Но вся красоту их церковную злая еретики ограбиша и обнажиша, и всю честь ея отъяша. Ниже в нея святые иконы вносят”

Это слова из “Сына церковного”, книги, призванной дать первоначальные наставления в вере, которая “не раскрывает и даже не называет ни одного из коренных догматов православия”. Исходя из нее, “истинно веровать значит: благоговейно, со страхом Божиим молиться в храме, вместе со всеми соблюдая положенные уставы и обряды, участвовать в общем священном действе”. И это не личное мнение автора 1609 г., московского приказчика Михайлы. Буквально те же фразы содержатся и в “Катехизисе” украинца Зизания, на 11 лет позже изданном в Москве патриархом Филаретом (4).

Рассмотренный материал уже позволяет оценить первое и частично второе из выделенных нами в начале трех положений.

Обрядоверие не есть невежество или “явление чисто русское”. Обрядоверие, как оценка веры по красоте храмов и полноте обрядов, — явление, по крайней мере, общеславянское, уходящее корнями в Византию. Ср. постоянные ссылки на святых отец и апостол или слова из знаменитой “речи философа” в ПВЛ: “Вера же их [римлян] немного от нашей отличается: служат на опресноках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе. Те же, которые не творят этого, — неправильно веруют”. То есть греческий проповедник вместо догматических (филиокве) указывает на богослужебные различия.

И “невежество” это, как мы видели, вполне обоснованное, фиксировавшееся в источниках (от крещения моравов до Никона) на протяжении восьми веков и бывшее условием принятия христианства именно византийского образца.

2. Отсюда же мы переходим к окончательному рассмотрению “второго пункта”. Учитывая все, сказанное выше о красоте-божественности (ср. кстати, “божественно” — “великолепно”, “красиво”), придется допустить, что русским людям XVII в. реформы Никона действительно представлялись бесовской вакханалией. В самом деле! Сбивается каменная резьба с наружных стен храмов и рублевские фрески с внутренних (5). Нарядное разноцветье перекрашивается в “строгие византийские тона”. Запрещается строительство новых красивых, в том числе шатровых, храмов. Изымаются, уничтожаются иконы (!) старорусского рублевского письма; а сам Рублев до 1988 г. оказывается под запретом (после чего его вдруг канонизировали к 1000-летию христианства на Руси). Картина, действительно похожая на древнюю византийскую традицию (бывшую до крещения Руси) — иконоборчество.

В “облысевших” храмах, как и на лысых горах, водворяется, мягко говоря, безбожие. Добавьте сюда и “противосолонь” — против Христа-Солнца, и “упразднение” Христа в никонианском троеперстии. Изменения коснулись и хлебов (символов тела Христова), на которых совершается литургия. И закончилась вся эта история почти откровенным протестантизмом: отменой патриаршества и провозглашением главой русской церкви российского императора по англиканскому образцу. Реформированная церковь тем самым была включена в общую систему масонско-христиан-

ского мировоззрения XVIII—начала XIX вв.

То есть вера действительно поменялась, и очень круто. Для народа была оставлена казенная церковь, выполнявшая полицейские функции, а “верхи”, освободившиеся от “духовного диктата”, входили в масонские ложи.

Получается, что “какие-то” непонятные реформы подменяли основы идеологии страны, лишая Церковь возможности участвовать в духовной жизни государства — и “морально”, обезбожив веру, лишив критериев для оценки дальнейших событий; и “физически”, лишив самостоятельности, права голоса в светских делах всероссийского масштаба. Доказательство этому — то, что историки до сих пор отказываются понимать, что же тогда происходило, а искусствоведы — каково было мировоззрение до этих реформ, как небо и земля отличное от нынешнего рационализма (6).

Надо отдать должное старообрядцам, что все эти изменения они заметили сразу же, по первым шагам. Таким образом, обрядовое доверие оказывается самым действенным критерием для оценки идеологии. Механизм взаимосвязи здесь примерно такой: изменение символов (2 на 3 перста и т.д.) сигнализирует об изменении веры, идеологии, общественного мировоззрения, которое в свою очередь, воплощается на практике (в политике, экономике и т. д.)

3. Практическая сторона реформ XVII—начала XVIII вв. (единая линия которых от Лжедмитрия I или Филарета до Петра I уже признается) получила название “цивилизационного раскола”. Введение крепостного права и отмена Земских соборов были не “случайными совпадениями”, а условием вхождения России в тогдашний “цивилизованный мир”, Западную Европу, — на правах аграрного придатка. Старые обряды и земское самоуправление отменялись одними и теми же реформами — по причине единства русской административной системы на местах и территориальной церковной организации (7).

То есть за вторую половину XVII в. в России поменялась вся политико-административная система. Произошла смена государственного строя, революция, растянутая, правда, почти на 100 лет. Петру I, в общем-то, только оставалось воспользоваться ее плодами.

История нового обряда может служить иллюстрацией справедливости идеалистического взгляда на историю: основополагающей

роли духовной сферы по отношению к материальной. Новая вера, соответствовавшая европейским “цивилизованным” стандартам, предполагала и все последующие изменения на “физическом” уровне, вплоть до наших дней, являлась главным элементом, сутью всех реформ. Таким образом, заявления о “незначительных изменениях” — базовый политический миф, скрывающий действительную направленность и масштабы событий, соответственно которым массовость и народность протеста были более чем адекватными.

“Бунташный” XVII в. оказывается самым переломным в русской истории. А цивилизационный раскол проявляется и сегодня — в полярных оценках событий прошлого и настоящего, когда речь заходит об отношениях Запад — Россия — Восток.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История старообрядческой церкви: Краткий очерк. М., 1991. С.8.
2. Введенский С. Учение и история русского раскола // Симбирские епархиальные ведомости. 1896. №1. С.22—24.
3. Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов н/Д, 1995. С.104—105.
4. Сын церковный. М., 1995. С.149—152, 187—189.
5. Гордиенко Н.С. Новые православные святые. Киев, 1991. С.129—150.
6. Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М., 1988. С.145—146.
7. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т.1—2. М., 1909—1912. Т.1. С.205; Т.2. С.21—23 и др.